

Сожаление / новелла

Category: Некаýalar, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Сожаление / новелла СОЖАЛЕНИЕ

Леону Дьерксу

Господин Саваль, которого все в Манте называют «папаша Саваль», только что встал. Грустный осенний день. Моросит дождь. Падают листья. Они падают медленно, и кажется, будто идет другой дождь, более крупный и ленивый. У г-на Савалья невесело на душе. Он шагает по комнате, от камина к окну и обратно, от окна к камину. В жизни бывают порой мрачные дни. А для него теперь все дни будут мрачные: ему шестьдесят два года. Он один как перст, старый холостяк, ни единой близкой души. Как грустно умереть вот так, в полном одиночестве, не видя у своего смертного одра преданного, любящего существа!

Саваль думает о своей жизни, такой пустой и бесцветной. Он вспоминает давно минувшие дни: свое детство, отцовский дом, родителей, потом коллеж, первые выезды в свет, изучение права в Париже. Потом болезнь и смерть отца.

После смерти отца он вернулся из Парижа и поселился с матерью. Как покойно жили они тогда вдвоем, молодой человек и старая женщина, и ничего-то на свете им больше не нужно было. Но вот умерла и мать. Как все-таки печальна жизнь!

Он остался один. А теперь и он вскоре умрет. Он уйдет из жизни, и все для него кончится. Не будет больше на свете г-на Поля Савалья. Как это ужасно! Другие люди будут жить, любить, улыбаться. Да, они будут веселиться, а его уже не станет. И как это люди могут радоваться, развлекаться, смеяться, когда над всеми нависла угроза неотвратимой смерти! Если бы она, эта смерть, была только чем-то вероятным, еще можно бы на что-то надеяться, но нет, она – сама неизбежность, она так же неотвратима, как ночь после дня.

Если бы, наконец, его жизнь была чем-то заполнена. Если бы он хоть чего-нибудь достиг. Если бы ему пришлось пережить на

своем веку интересные яркие события, радости, удачи, всякого рода удовольствия. Но нет, он ничего не изведal. Он только и делал всю жизнь, что спал, вставал, ел в определенные часы и снова ложится спать. И так он дожил до шестидесяти двух лет. Он даже не женился, как другие. А почему? В самом деле, почему же он не женился? Он вполне мог бы жениться, ведь у него были кое-какие средства. Может быть, просто подходящего случая не представилось? Возможно. Но ведь при желании «случай» всегда найдется. Нет, просто он был слишком пассивен. Пассивность была основным пороком, несчастьем всей его жизни, самым большим его недостатком. Сколько людей из-за пассивности упускают свое счастье! Есть натуры, которым все на свете трудно: подняться с постели, двигаться, решиться на что-нибудь, говорить, разобраться в каком-нибудь вопросе.

Он даже не знает, что значит быть любимым. Ни разу на груди его не покоилась женщина в любовном упоении. Он не изведal ни сладостной тоски ожидания, ни дивного трепета при пожатии любимой руки, ни восторга торжествующей страсти.

Какое неземное блаженство преисполняет сердце, когда губы встречаются в первом поцелуе, когда тесное объятие превращает двух страстно влюбленных в единое, безмерно счастливое существо!

Г-н Саваль, в халате уселся возле камина, протянув ноги к огню.

Да, жизнь его не удалась, решительно не удалась. А ведь и он любил в свое время. Любил тайно, мучительно и, как все, что он делал, пассивно. Да, он любил г-жу Сандр, жену своего старого приятеля Сандра. Ах, если бы он встретил ее до замужества! Уж ей-то он непременно сделал бы предложение. Но они узнали друг друга слишком поздно: она была уже замужем. И все же как он ее любил, влюбившись без памяти с первого взгляда!

Саваль вспоминал, какое он испытывал волнение всякий раз при встрече с ней и какую печаль при разлуке, вспоминал, сколько бессонных ночей провел в мечтах о ней.

По утрам при пробуждении он бывал влюблен чуточку меньше, чем накануне вечером. Почему бы?

А как она была тогда хороша, как мила, белокурая, кудрявая,

хохотунья! Ну разве Сандр ей пара? Теперь ей уже пятьдесят восемь лет. Кажется, она счастлива. Ах, если бы она его тогда полюбила, если бы полюбила! Но почему бы ей было не полюбить его, Савалю, раз он ее любил так безумно?

Если бы она хоть догадывалась! Неужели она так-таки ничего не заметила, ничего не поняла? А что, если бы он тогда признался ей в любви? Как бы она отнеслась к этому, что бы ответила ему? И Саваль задавал себе все новые и новые вопросы. Он старался воскресить в памяти былое в мельчайших подробностях.

Он припоминал долгие вечера, проведенные им у Сандра за игрой в экарте, когда жена его приятеля была еще молода и так прелестна. Он вспоминал все, что она ему тогда говорила, интонации ее голоса, ее молчаливые улыбки, которые были так красноречивы.

Вспомнились ему и прогулки, которые они совершали вдвоем по берегам Сены, завтраки на траве в воскресные дни, когда был свободен Сандр, служивший в супрефектуре. И вдруг особенно ярко у него вспыхнуло воспоминание об одной прогулке с нею вдвоем после полудня в рощице возле реки.

Они выехали рано утром, захватив с собой свертки с провизией. Был веселый весенний, пьянящий день. Кругом все благоухало, все дышало счастьем. Птицы щебетали как-то особенно радостно и носились в стремительном полете. Позавтракали на лужайке под ивами у самой реки, которая, казалось, дремала в знойной ласке лучей.

Теплый воздух был напоен ароматами трав и цветов. Все трое жадно, с наслаждением дышали. О, какой это был чудесный день! После завтрака Сандр уснул, вытянувшись на спине.

– Никогда в жизни я не спал так сладко, – сказал он, пробудившись.

Г-жа Сандр взяла Савалю под руку, и они вдвоем пошли по берегу.

Она опиралась на его руку. Она весело смеялась и говорила:

– Я совсем пьяна, мой друг, ну совсем пьяна!

Он глядел на нее, и его охватывал невольный трепет, он чувствовал, что бледнеет, и боялся, как бы взгляд его не показался ей слишком дерзким, как бы дрожь руки не выдала его

тайны.

Она сплела венок из полевых трав и водяных лилий и, надев его на свою кудрявую головку, спросила:

– Нравлюсь я вам вот так?

Он молчал; он не находил слов в ответ, но готов был упасть перед ней на колени. Тогда она рассмеялась каким-то раздраженным смехом и с досадой бросила ему:

– Вот глупый! Ну хоть бы что-нибудь сказал!

А он чуть не плакал, не в силах вымолвить ни слова.

Он вспомнил, как доверчиво она опиралась на его руку. Когда они наклонились, проходя под нависшими ветвями, он почувствовал, как ее нежное ушко прикоснулось к его щеке, и поспешно отстранился, опасаясь, как бы она не подумала, что он сделал это умышленно.

А какой странный взгляд метнула она на него, когда он сказал:

– Не пора ли нам вернуться?

Да, она поглядела на него как-то особенно. Тогда он не придавал этому значения, а теперь вот вспомнил.

– Как хотите, друг мой. Вернемся, если вы устали, – отвечала она.

– Да нет, – возразил он, – не то чтобы я устал, но, может быть, Сандр уже проснулся.

Она пожала плечами:

– Конечно, если вы уж так боитесь, как бы не проснулся мой муж, – тогда другое дело. Вернемся!

На обратном пути она была молчалива и уже не опиралась на его руку. Почему бы?

Еще ни разу не задавал себе Саваль такого вопроса. И вот теперь ему вдруг почудилось, что он угадал нечто такое, что до сих пор ему и в голову не приходило.

Неужели же...

Саваль почувствовал, что краснеет, и вскочил в смятении, как будто он помолодел лет на тридцать: и вдруг он услышал, как голос г-жи Сандр произнес: «Я люблю вас». Да полно, возможно ли это? Закравшаяся в душу догадка терзала его. Неужели он и в самом деле проглядел тогда, не понял?

А что, если это так и было, что, если он прошел мимо своего

счастья?

И он сказал себе: «Я должен знать! Я не могу оставаться в сомнении. Я должен все узнать».

Он быстро, торопливо оделся, размышляя: «Мне уже шестьдесят два года, ей пятьдесят восемь. Я вполне могу у нее спросить».

И он отправился к ней.

Дом Сандра находился на той же улице, почти против его дома. Он взошел на крыльцо. На стук молотка дверь открыла молоденькая служанка. Она удивилась, увидев его в такой необычный час:

– Так рано, господин Саваль? Уж не случилось ли чего?

– Нет, голубушка, – отвечал Саваль. – Но пойді скажи барыне, что мне очень нужно видеть ее сейчас же.

– А барыня занята, она на кухне варит грушевое варенье на зиму. И, знаете, она не одета.

– Да, да, хорошо, но скажи, что мне нужно поговорить с ней по очень важному делу.

Служанка ушла. Саваль в волнении крупными шагами ходил по гостиной. «Ничего, – успокаивал он себя, – я спрошу ее об этом очень просто, как попросил бы рецепт какого-нибудь блюда. Ведь мне уже шестьдесят два года!»

Но вот отворилась дверь, и она вошла. Теперь это была очень грузная женщина с полными щеками и звонким смехом. Она шла, широко расставив по локоть голые, липкие от сиропа руки.

– Что с вами, друг мой, уж не больны ли вы? – участливо спросила она.

– Нет, дорогая, я просто хотел спросить вас кое о чем, очень для меня важном. Только обещайте, что ответите мне вполне откровенно.

– Но ведь я же всегда откровенна, – улыбнулась она. – Говорите!

– Ну, так вот. Я полюбил вас с первого взгляда. Догадывались вы об этом?

Она засмеялась, и в голосе ее прозвучали прежние, давно забытые интонации.

– Вот глупый! Да я поняла это с первого же дня.

Саваль задрожал.

– Вы знали?.. Но тогда... – пролепетал он.

Голос его оборвался.

– Тогда... Ну, что тогда? – спросила она.

– Тогда... – продолжал Саваль, – тогда... Ну, как бы вы к этому отнеслись? Что бы вы мне ответили?

Она рассмеялась еще громче. Капли сиропа стекали у нее с пальцев и падали на паркет.

– Я?.. Но ведь вы меня так ни о чем и не спросили. Не самой же мне было признаваться вам!

Он шагнул ближе.

– Скажите... скажите... вы... ведь вы не забыли еще тот день, когда Сандр уснул на траве после завтрака, а мы... мы гуляли вдвоем и дошли до того поворота, помните?..

Он ждал ответа. Она перестала смеяться и посмотрела ему прямо в глаза.

– Ну, разумеется, я помню этот день.

Весь дрожа, он продолжал:

– Так вот... а что, если бы... что, если бы в тот день... если бы я был тогда смелей... Как бы вы поступили?

Она снова улыбнулась беззаботной улыбкой счастливой женщины и звонким голосом, с нотками легкой иронии ответила напрямик:

– Я уступила бы, мой друг.

Потом, покинув его одного, убежала к своему варенью.

Саваль вышел на улицу подавленный, будто на него обрушилось тяжкое горе. Большими шагами, не глядя по сторонам, шел он под дождем куда глаза глядят, не замечав даже, что спускается к реке. Дойдя до Сены, он повернул направо и зашагал вдоль берега. Он шел долго, словно подгоняемый какой-то тайной силой. Он промок до нитки, с его шляпы, размокшей и похожей на мятую тряпку, словно с крыши, стекала вода. А он шел все дальше и дальше и вот очутился на том самом месте, где они завтракали втроем в давно минувший день, воспоминание о котором терзало его душу.

Тут он спустился на траву, под сводом обнаженных ветвей, и заплакал.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП
«Аурика», 1994
Перевод Г. Еременко. Некаýалар